

18+

Юлия Добровольская

ГОРЬКИЙ ЗАПАХ ОСЕННЕГО ЛЕСА

Короткая проза

Юлия Добровольская

**Горький запах осеннего
леса. Короткая проза**

«ЛитРес: Самиздат»

2010

Добровольская Ю.

Горький запах осеннего леса. Короткая проза /
Ю. Добровольская — «ЛитРес: Самиздат», 2010

Мои рассказы, повести, романы, а так же немногочисленные стихи - это повествования о жизни людей, живущих вдали от большой политики, большой экономики и любого размера криминала – одним словом, о жизни, какой живу я сама и те, кто мне близок, о сложностях и радостях человеческих взаимоотношений. Я не сужу своих героев – не осуждаю и не одобряю - я их наблюдаю. В моей прозе нет ничего об интригах, предательствах, мести, зависти и прочих явлениях, бытующих в среде спящей части человечества. У меня - совсем о других людях. О тех, кто понимает, что нет несчастий и врагов, а есть лишь чудеса и ангелы, что нет предначертанной судьбы, а есть лишь твой выбор, что нет случайностей, а есть лишь путеводные сигналы на Пути, которым идёшь. О тех, чья жизнь - это рост, а не увядание, а смерть – продолжение, а не конец.

© Добровольская Ю., 2010

© ЛитРес: Самиздат, 2010

Содержание

Железная душа	5
Горький запах осеннего леса	8
Звоните нам прямо сейчас!	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Железная душа

Современный жестокий городской романс

Однажды она получила письмо. Открывать медлила, будучи научена недавним горьким опытом, когда, раскрыв какой-то аттачмент, она загубила всё, что было в её железке – а было там немало, если не сказать, вся её жизнь. Творческая, по крайней мере. Ну и переписка за год с небольшим... Правда, к счастью, всё, кроме начатого, было распечатано. И всё же, предмета для огорчения хватило выше крыши: сканируй теперь каждую страницу, да через файнридер пропускай – на месяц работы.

Получила она письмо от незнакомого какого-то Alex'a. Небольшое – кило триста. Спам, небось, подумала она, но что-то... что-то не дало ей порвать это письмо не читая. Сохранила, пропустила через антивирусник. Открыла. А там – бракадабра полная.

Ну и фиг с ним, снова сказала она решительно сама себе, но опять что-то не позволило нажать ей на кнопку бесследного уничтожения...

Раскодировала-таки. Слава Богу, не транслит – терпеть не может она этих ленивцев, которые не удосужатся себе клавиатуру заменить да программку поставить... Ладно, читаем.

«Здравствуйте! Поздравляю Вас с Днём всех Влюблённых!

Вы меня не знаете, а я Вас знаю. Около года тому назад я встретил Вас впервые в Вашем любимом месте. Вы ходите туда со своей подругой. С тех пор я тоже хожу туда часто. И иногда встречаю там Вас. Я встречаю Вас не только там, но чаще всего именно там.

Я думаю (и надеюсь), что Вы не замужем, или, если замужем, то не очень-то счастливы. Иначе, отчего бы у Вас были такие грустные глаза?..

Сегодня я могу сказать, что я в Вас влюблён. Во-первых, прошёл почти год – а это всё же срок. Ну, и, во-вторых, сегодня можно – сегодня такой день.

Я не прошу Вас ответить мне. Но, конечно, жду и надеюсь.

Алекс.»

Вот такое вот деликатное послание. И что теперь с этим делать?..

На третий день она поймала себя на том, что, даже выходя в магазин, прихорашивается особенно тщательно. По-особому держится, идёт, стоит. Словно знает, что с любой стороны, из любого окна – дома ли, вдоль которого она проходит, автобуса ли, едущего мимо – её может видеть Он.

Где Он встречает её чаще всего? Ну конечно, в Париже! Крохотная кафешка, любимое их с подругой местечко.

Хорошо. Там его будет нетрудно вычислить.

Ещё через день она ответила Ему:

«Спасибо за поздравление. Тронута.»

Тут же ответ:

«Это я тронут.»

Она позвонила подруге: не хочешь посидеть в Париже?

С удовольствием, – сказала та – сама хотела тебе звонить, давно не виделись.

Как всегда, болтали ни о чём. О серьёзном – буде тема возникала – они говорили по телефону, а в кафе о чём-нибудь земном, подходящем гомону, суете и громкой музыке.

Она сказала, что взяла абонемент на шейпинг – скоро весна, неплохо бы в тонус податься.

Подруга заказала у знакомой художницы новое парео – ей по случаю достался большой кусок роскошного дорогущего итальянского шёлка золотистого цвета. Если по нему писать красным и зелёным получают умопомрачительные оттенки...

Она незаметно разглядывала посетителей. Ни одного мало-мальски наводящего на размышления мужчины.

Надо как-нибудь прийти без подруги, решила она.

Вечером отправила письмо: «Ловлю себя на мысли, что всюду ищу Вас. Вы лишили меня покоя.»

Ответ не заставил себя ждать: «Надеюсь, не до такой степени, чтобы Вы на меня рассердились...»

Она помолчала два дня – пусть помучается в сомнениях. А между делом решила зайти на кофеёк в свой любимый Париж, мимоходом – шла в книжный.

Кофе, сигарета. Никого. Ну ни-ко-го! Нет, мужчины были – трое. Но ни один из них не тянул на него.

Дальнейшее можно смело опустить. Была переписка. Он не был нахален, развязен, даже сколько-нибудь назойлив. Тем и взял нашу утонченную героиню.

Всё чаще она захаживала в свой любимый Париж.

И однажды...

Однажды застала там свою подругу.

– О! Привет!

– Привет!

– Ты одна?

– Одна. И ты одна, вижу.

– Да вот, шла мимо. Кофейку захотелось.

– Ну-ну...

Посидели, поболтали. Разошлись.

– Пока!

– До скорого.

Через несколько дней – там же встретились.

– О! Привет!

– Привет!

– Ты одна?

...

А переписка – своим ходом. А страсти – близки к точке кипения. А она уже спать не может: до утра пытается представить себе Его, пока с рассветом не засыпает в любовном бреду.

А потом в таком же бреду – по городу бродит.

А в Париже – ни одного лица, замеченного в завсегдайтстве.

И вот – наконец-то!

«Я больше так не могу. Алекс.»

«Я тоже больше так не могу.»

«Давайте встретимся.»

«Давайте.»

На дворе почти лето. Она почти в форме – три месяца добросовестного шейпингования. Свежая стрижка. С собой довольна – а ведь это самая объективная из всех субъективных оценка...

«Вы знаете такое место ...?»

Конечно, ещё бы! Приятно, что вы его знаете!..

Крошечный кинозал при академии искусств – человек на сто. Она там бывала, но очень давно, ещё во времена жуткого дефицита хорошего кино.

«Билет на имя Ольга – в кассе. Оплачено.»

Ну, Ольга, так Ольга. Возможно, и Он не Алекс.

Забрала билет. Ряд, место – как положено.

Народ стекается – уже ползала, а то и больше. Разумеется, исключительно женский контингент – мужчинам некогда такое кино смотреть.

- Ой! Привет! – Это её подруга.
- Привет!
- Одна?
- Не совсем. Я не говорила тебе самого главного, прости...
- Ты знаешь, я тоже тебе не говорила...
- Ч-ш-ш... Потом расскажешь...

На сцену вышло трое молодых ребят. Скорей всего, как обычно перед показом – краткая информация о режиссёре, съёмочных перипетиях, кулуарных заморочках тех или иных фестивалей и т.д.

- Уважаемые дамы! Мы собрали вас здесь вот по какому поводу...
- * * *

Группа умняшек-студентов разработала программу под кодовым названием «Алекс. Виртуальный флирт в заданных параметрах».

Огромному количеству респондентов было разослано письмо, приведённое в начале нашего рассказа.

Разумеется, те, кто не являл из себя даму, уничтожили его и тут же благополучно забыли. Те из дам, кто никоим образом не мог примерить его на себя – то ли подруги нет, то ли глаза не грустные, то ли воспитание не позволяет – сделали то же...

Фишка заключалась в том, что «Алекс» поддерживал дальнейшую переписку самостоятельно, исходя из собственной многоуровневой оценки культурного, интеллектуального и эмоционального потенциала отвечавшей...

* * *

Когда ещё несколько ребят вынесли в зал огромные охапки роскошных бархатных, почти чёрных роз и принялись раздавать их собравшимся, одна немолодая леди разразилась истерикой.

Это была взаправдашняя истерика, а не просто хамская выходка необременённой хорошими манерами дамы.

* * *

Горький запах осеннего леса

Повесть

1.

Они встретились в кафе, выпили по чашке кофе, и он вызвал такси.

В подъезде он хотел пропустить её, но она не любила подниматься впереди мужчины и поэтому пошла за ним.

Он шёл всего на пару ступеней впереди, но ступени были такими высокими, что его рука, выглядывающая из рукава тёмного плаща, была прямо перед её лицом.

Не успев осознать, что делает, она взялась за эту руку, как берутся дети.

Он на миг замедлил движение и, как ей показалось, оглянулся.

Но она не подняла глаз.

Он очень крепко сжал её ладонь.

На третьем этаже, не отпуская руки, он открыл массивную дверь.

В прихожей было сумрачно. Ей хотелось поцеловаться с ним прямо здесь и прямо сейчас. Ей хотелось поскорей узнать его губы.

Он принял её плащ, снял свой.

В большой гостиной было удивительно уютно.

Низкий диван, низкие кресла, низкий столик, низкие стеллажи.

Отсутствие свисающей из центра потолка люстры – взамен неё в нужных местах располагались несколько бра и торшер – только подчёркивало приземистость обстановки и располагало к комфортному отдыху. На стеклянном столе стояла в стеклянной вазе розово-жёлтая розочка с такими свежими зелёными листьями, что казалась только-только срезанной с летнего куста. Рядом – бутылка коньяка, два коньячных бокала, перевёрнутые вверх дном на салфетке, прозрачная миска с виноградом и мандаринами и коробка конфет.

Он предложил ей сесть.

– Покажи мне свой дом, – сказала она.

Она сказала «дом», потому что это был именно дом. Многие живут в «квартирах», но это был дом. В нём витал дух жизни, работы, интересов хозяина – его душа, одним словом. В «квартирах» же обычно всё стандартно, как в казармах, в них только спят и едят в перерывах между хождением на службу.

Он снова хотел пропустить её вперёд, но спохватился и пошёл первым.

Она взяла его за руку, как на лестнице.

Он опять очень крепко сжал её ладонь.

Из гостиной он повернул в коридор налево. Через несколько шагов этот коридор расходился в две противоположные стороны. В одном конце было две двери, в другом, напротив – одна.

– Здесь ванная, – сказал он и, щёлкнув выключателем, распахнул дверь, – а здесь уборная. – Он распахнул другую, повернулся к ней и улыбнулся.

Улыбка у него была застенчивая. Она, собственно, только такую его улыбку и знала.

Оба помещения казались очень просторными, потому что отделаны были в светлых тонах. Хотя они и были просторными – гораздо просторнее, чем в современных квартирах.

В другом тупичке была раздвижная дверь из матового стекла, она вела на кухню – большую кухню с двумя окнами. В них почти упирались ветки клёна – в том самом своём колдовском разноцветии, о котором спел поэт, и понять которое можно, только глядя на клёны ранней осенью.

– Я приготовил обед. Хочешь поесть?

– Потом, – сказала она, и оба поняли, что означает это «потом».

Из кухни он повёл её назад, в гостиную.

– Ну, здесь мы уже побывали, – сказал он и снова улыбнулся.

В противоположной от кухни стороне располагались такие же два тупичка с двумя дверями.

– Здесь я работаю.

Они вошли в кабинет, дверь которого тоже была раздвижной, и тоже из матового стекла.

Стол с компьютером, стеллажи с книгами, кресло – низкое и мягкое, как в гостиной – рядом с маленьким столиком. На нём чистая пепельница и пачка сигарет с зажигалкой.

Напротив была спальня.

– А здесь я сплю, – опять его улыбка, обращённая к ней.

Стеллажи с книгами и журналами по всему дому – спальня не явилась исключением. Низкая широкая тахта, застеленная тёмно-зелёным бельём с топорщащимися – ещё не смятыми – складками и откинутым углом одеяла. Рядом с постелью столик с будильником, блокнотом и ручкой. И, опять же, чистая пепельница с пачкой сигарет и зажигалкой.

Глядя на постель, она почувствовала, как на миг сжалась его рука, и без того крепко державшая её ладонь. Это было непроизвольное, конвульсивное движение – реакция на мысль, мелькнувшую у обоих. Даже не мысль... Сейчас они были как два сообщающихся сосуда, содержимое которых циркулировало из одного в другой через их прижатые ладони – если в одном сосуде поднималось давление, это сразу же сказывалось на втором.

Они вернулись в гостиную.

Он подвёл её к креслам и отпустил руку. Она села спиной к окну – это был осознанный выбор, продиктованный соображениями женщины, уже вступившей в осеннюю фазу жизни.

– Какую музыку поставить? – Спросил он.

– Твою любимую, – сказала она.

– Я люблю разную музыку...

Он обошёл кресло, вставил диск.

Зазвучал её любимый древний альбом Алана Парсонса.

Откуда он знает? – подумала она, – от Андрея?.. А что, Андрей его в мои вкусы посвящает?..

Они молча пригубили коньяк.

Он откупорил два мандарина и один протянул ей.

Она принялась отрывать по дольке, изредка смешивая вкус солнечного плода со вкусом самого солнца, пристроившегося на дне бокала.

– Я не забыла сказать, что мне очень понравилась твоя книга? – Сказала она и улыбнулась.

– А я не забыл поблагодарить тебя за это? – Он тоже улыбнулся.

– М-м-м... Не помню, не помню... – сказала она.

Она провоцировала его.

Не будь между ними такой большой разницы, она и не подумала бы заводить подобную игру. Она знала цену себе как женщине, и шла вперёд, не дожидаясь чьих-либо сигналов. Но с ним она побоялась оказаться смешной – а вдруг ей всё только показалось?..

Он поднялся и подошёл к ней.

Она почувствовала его волнение – словно сгустившийся воздух, оно придавило её.

Нет, ничего ей не показалось...

Она поднялась ему навстречу.

– Спасибо за тёплые слова, – и он взял в ладони её лицо.

Вот они – его губы, его руки... Вот он.

Около десяти она сказала, что ей пора.

– Ты не хочешь принять душ? – Спросил он.

– Нет. Я хочу сохранить тебя... – Сказала она.

- А как же?..
- Андрей? Он в командировке до следующего вторника.
- Так, значит, ты могла бы?.. – Он был удивлён.
- Могла бы. Но не останусь. – Она коснулась его щеки рукой.
- А завтра?.. Мы увидимся?
- Нет. У меня завтра протокольное мероприятие. Я поздно освобожусь.
- Поздно – это как?
- Около полуночи, не раньше.
- Так это детское время, – сказал он, улыбнувшись.

И в улыбке, и в голосе прозвучало тщательно скрываемое смятение пополам с мольбой, и она уловила это.

Ей не хотелось, чтобы он думал, что его отвергают, что им пренебрегают. Тем более что это было вовсе не так – она жаждала новой встречи и с трудом представляла, как доживёт до неё.

- Ну, если детское...
- Где и когда состоится твоё протокольное мероприятие?

Она назвала ресторан и время.

- Позвони, я пришлю такси.
- Я приеду, – сказала она.

Они поцеловались, и ей захотелось остаться здесь прямо сейчас.

Он подал плащ.

На миг задержав его, посмотрел вопросительно.

Она опустила взгляд, и он понял её.

Он вышел с ней, назвал таксисту адрес и расплатился.

- До завтра.
- До завтра.

Она была уверена: водитель, бросив взгляд в зеркало, увидел всё то, что оставалось сейчас за её плечами – эскапада немолодой дамы, безумие мальчишки...

* * *

Она оказалась на презентации его первой книги, изданной на грант международного гуманитарного университета, со своим мужем – тот был приглашённым и со стороны этого самого гуманитарного университета, и со стороны виновника торжества, с которым водил творческую дружбу.

Андрей подвёл её к юному герою дня, поздравил и обменялся с ним рукопожатием.

– Познакомься, моя жена, Анна, – сказал Андрей.

Она протянула ему руку.

– Роман. – Он сжал её ладонь.

Ей польстило, что он сразу и легко принял её предложение перейти на «ты» – разница в возрасте была более чем очевидной.

Сейчас ей кажется, что она влюбилась в него именно тогда...

Хотя, нет, наверное, всё-таки чуть позже – когда читала книгу.

Она видела его застенчивую улыбку, ощущала тепло его руки, пожимающей её руку, и боролась с неодолимым влечением к нему.

Её влекло к его мужской сущности, так тщательно скрытой за сдержанными манерами и так ярко проявившейся в его прозе.

Она закончила книгу во втором часу ночи и сразу послала ему эсэмэску:

Удивляюсь, узнавая тебя. Наслаждаюсь твоим пронзительным романтизмом.

Люблю – хотелось добавить ей, но она припасла это на потом.

Он тут же ответил – что-то вроде: «спасибо, тронут».

Тогда она послала весьма рискованное и нарочито двусмысленное:

Не насытилась, хочу ещё.

Есть неопубликованное, – ответил он, а она подумала: ну, что ж, будем о прозе...

– Хочу!

– Я могу пригласить тебя к себе?

– Можешь.

– Завтра?

– Свободна после 13—00.

Теперь она знает: всё, что она только предполагала в нём, отдаваясь ему в своих полуснах-полумечтах, оказалось правдой. Сильный и чуткий любовник, он был скорее раскованным, чем искушённым.

Анна даже не запомнила его тела. Только руки и губы. Она не позволила ему оставить свет включённым, сказав, что стесняется своей постаревшей оболочки.

Он не возражал.

С одной стороны, это было ей всё-таки на руку.

С другой – слегка задело. Она-то знала, что кокетничает, что коже её – особенно после трёх недель, проведённых на нежарком Балтийском море – покрытой ровным загаром, подтянутой самым целебным и действенным массажем, каким являются прогулки на морском ветру, коже её позавидует не только любая ровесница. Ну а с формами у неё никогда проблем не было.

Ладно, выпадет ещё случай продемонстрировать и то, и другое – подумала она, – до весны, а стало быть, до времени, когда улетучатся следы лета, и тело вновь вспомнит о своём возрасте, так далеко!.. Притом что связь эту она собиралась прекратить где-нибудь после Нового года. Она надеялась, он понимает, что между ними может быть только... только физиология, и ничего больше. Крепкий секс, приправленный утончённой чувственностью. Что касается последнего, тут они были на равных.

* * *

Анна освободилась на полтора часа раньше и решила дать ему знать.

Она достала из сумочки телефон, и тот разразился трелью прямо в её руке.

Звонила недавняя приятельница и коллега по переводческому цеху. С ней её познакомил Андрей где-то около года тому назад на какой-то тусовке, а дело продолжили Милан Кундера, Ларс Фон Триер и прочие персоны из когорты «не для всех».

– Занята? – Спросила Тереза.

– Только что отстрелялась.

– Заходи на кофеёк, мне скучно.

– Мне как раз час с небольшим куда-то деть нужно!

– Вот и классно! Жду.

– Как дела? Что нового? Куда направляешься? – Это была обычная манера Терезы: засыпать вопросами прямо на пороге, не дожидаясь ответов.

Дальше должно было последовать: как тебе последняя книга-фильм-пьеса такого-то? – но не последовало... Она замерла и не дала даже скинуть плащ.

– Стой! Ты, никак, в романе?

Это прозвучало забавно, поскольку Анна действительно вступала в роман. В роман с Романом.

– Дай раздеться! – Засмеялась она.

– Завидую я тебе, – сказала Тереза, услышав последние новости. – Я тебя знаю без году неделю, а ты уже второй раз влюбляешься.

– А тебе кто мешает? – Спросила она.

– Да никто! Сама.

– То-то и оно.

– Слушай, неужели у тебя ни разу не возникло чувства, что ты предаёшь мужа, изменяя ему?

– О-о-ой... Перестань... На том же основании Индия может обвинить в измене солнце, когда оно светит на Мексику. Или огурец приревновать меня к лимону. Что за чушь! Измена!.. Предательство! Верность... – Анна глянула на часы.

Тереза перехватила её взгляд.

– Тебе пора?

– Нет, ещё двадцать две минуты.

– Вот это точность!

– Да, забавно... Сначала в меня родители пунктуальность вбивали, а теперь вот работа такая.

– И что, твои дипломаты на самом деле так живут – минута в минуту?

– Нет, конечно... Не всегда, во всяком случае. Только если непунктуальность может привести к международному конфликту.

– Ладно, мы отвлеклись... Ты что-то там про солнце и огурцы говорила.

– Про огурцы?.. – Анна удивлённо посмотрела на Терезу.

– Про верность, неверность, солнце и огурцы.

– А-а! – Она засмеялась. – Это про любовь. Я люблю Андрея. Понимаешь? Люблю! Я люблю Романа. Да! Вот так вот, одним единственным сердцем. Мне что, разорваться? Или оставить сейчас Андрея и уйти к Роману? А потом вернуться назад? А потом снова уйти?.. К другому?.. – Она допила остывший кофе и достала из сумки косметичку. – Я чуть было не сделала глупость на пятом году нашего супружества... Мой Андрюша умней всех нас оказался. Он сказал: пройдёт это, появится другое, а лучше меня для тебя никого нет и не будет.

– М-да... – Тереза закурила. – Ты рассказывала, как он Машульку нянчил, пока ты с любовником время проводила.

– Вот!.. И за что же мне его бросать, спрашивается? Да он один даёт мне всё то, на что другие вместе взятые не способны.

– Так что ж тебе от других тогда нужно?

– Не знаю... Любовь разве объяснишь? Что-то щёлкает внутри, и потянуло... А потом – щёлк! – и отпустило.

– Может, это не любовью называется?

– Ой, называй, как хочешь! У меня это любовь.

– Сколько ему?

– Андрею?..

– Господи! Да знаю я, сколько Андрею!.. Роману!

– А! Ну да... – Анна засмеялась и услышала, что смех сейчас с головой выдаёт нервное возбуждение: через семь минут ей предстояло набрать его номер. – Двадцать пять... двадцать семь или что около того.

Тереза присвистнула.

– Ну, ты даёшь, мать!

– Да, дорогая. Выхожу в тираж. На мальчиков потянуло... – Это прозвучало ещё более нервно.

Анна прикурила новую сигарету, и Тереза заметила волнение.

– Сама, как девчонка... Руки вон трясутся.

– Да, каждый раз, как в первый.

– И что Андрей? Знает?

– Ну, ему я не докладываю, конечно. Чувствует, думаю, когда кто—то появляется.

– А ты?

– Что я?

– Ты чувствуешь, когда у него кто-то появляется?

– У Андрея? – Сначала лицо Анны удивлённо вытянулось, потом она рассмеялась. – Мой Андрей, во-первых, страшно занят своей научной работой, а во-вторых, он вместо меня моногамный. В нашей семье, видишь ли, всё в равновесии: я люблю убираться, он готовить, он моногамный, я полигамная, я полиглотка, а он... он дальше русского ни шагу.

– И что, он ни разу тебе не изменил?

– Конечно, ни разу. Уж я-то почувствовала бы! – Анна глянула на Терезу с превосходством опытной в таких делах женщины. Потом спохватилась. – Всё! Звоню! – Возвела очи к небу, шумно выдохнула и набрала номер.

* * *

Они встретились в кафе, выпили по чашке кофе, и он вызвал такси.

2.

Андрей съехал с обочины на грунтовую просёлочную дорогу.

Они любили именно этот путь, а не заасфальтированный большак, рассекавший огромный дачный массив – так создавалась иллюзия того, что живут они в загородном доме, а не на участке.

Дача их была крайней, с двух сторон подступал лес, а густо посаженные кусты сирени, рябины и прочие – непрактичные с точки зрения практичных дачников – растения надёжно прикрывали от ревнивого глаза невозделанный зелёный газон, подобие альпийских горок и спонтанные цветочные посадки по всей свободной территории.

Приезжали они сюда по большей части с компаниями – позагорать, побродить по лесу, нажарить шашлыков, отдохнуть, одним словом, от города. Только в первые годы – очень давно – они пытались сеять зелень с редиской, но скоро поняли, что дом и шесть соток земли нужны им исключительно для безделья. А время на это выпадало не так часто, чтобы тратить его на попытки заняться тем, что кто-то делает гораздо лучше. Постепенно к столь нестандартному использованию земли и времени соседи по привычке и перестали бросать камни – и буквально и фигурально – в их огород.

На этот раз они приехали вдвоём. В пятницу был весьма бурный бомонд по поводу приуроченной к пятидесятилетию Андрея международной награды за вклад... – и т.д. и т.п. – с ночным боулингом и утренними заплывами в открытом бассейне.

Разумеется, в воскресенье хотелось отдохнуть от всех и вся.

К тому же, похоже, это были последние сухие и тёплые осенние дни, за которыми резко наступают холода, и жизнь входит в новую, отличную от прочих времён года, фазу. Правда, впереди ещё ждут рождественские и новогодние огни, бурные весёлые вечеринки – но они лишь ознаменуют конец, уход, отлив всего того, что зародилось весной, достигло своего апогея летом и смиренно увядает сейчас – вот как этот лес.

Лес был пустым и прозрачным, но не казался уютным из-за удержавшегося до самого конца ноября пасмурного тепла.

Запахи были влажными и горьковатыми. Анна вдыхала их с наслаждением и жадностью.

Она шла по лесу без цели – просто сделать круг, пока муж разожжёт огонь, бросит на него заготовленный уголь, нанижет мясо на шампуры. Тогда она вернётся, и они будут наблюдать, как подрумяниваются розовые кусочки свинины вперемешку с полупрозрачными агатовыми дисками лука, слушать зазывное шипение сока на углях, вдыхать будоражащий аппетит дым и подстёгивать его, аппетит, прохладным красным вином.

Да, она шла без цели и почти без мыслей. Если что-то и пошевеливалось в голове, так только связанные с нахлынувшими и переполнившими её существо несказанной благодатью обрывки подobaющих сентенций.

...Так хорошо, так невыносимо хорошо может быть только вот в такой дивный, тихий день. Только когда в тебя – полную жизни и любви, вполне состоявшуюся женщину – безумно

влюблён молодой, но уже заявивший о себе талантливый писатель. Только рядом с таким родным и близким, с таким надёжным и верным мужем, как её Андрей – с которым можно молчать и не заскучать, говорить и не наговориться, миловаться и не насытиться...

Анну охватило возбуждение.

Хорошо, что они приехали сюда под вечер субботы, а не в воскресенье, как планировали сначала.

Они переночуют здесь вдвоём, вдали от шумных компаний, города и неотрывно связанных с ним забот и переживаний.

Они отключат свои телефоны.

Они, наконец, смогут расслабиться и подарить друг другу незабываемую ночь – такую, о которой долго вспоминаешь, а потом ждёшь её повторения...

Наверняка, Андрей соскучился по жене.

Да и у неё самой давно не было «постели» – Роман уехал в Голландию по приглашению одного из университетов для участия в каком-то проекте в поддержку молодых литераторов Европы.

Она скучала, конечно, и даже начинала подумывать: а не продлить ли эту связь? В планах было сказать ему «прощай» после Нового Года – перед отлётом к Машке на день рождения.

Они летели с Андреем, и она предвкушала эту поездку: вдвоём, в хмуром зимнем Лондоне должно быть очень даже романтично!

Они будут бродить в обнимку по музеям и выставкам, греться в кафе и танцевать в рестораниках, а по ночам она будет отдавать свои любовь и нежность, которые предназначены только ему, и которые никогда не иссякнут в ней, а ему никогда не надоедят.

И роман с Романом вовсе тому не помеха!

Роман обожал её.

А ей нравилось быть обожаемой мальчишкой вдвое младше её самой. Младше её дочери!..

В разлуке он забрасывал Анну электронными письмами, короткими, как удары пульса, ёмкими, как стон.

Анна нуждалась в них, словно больной в наркотике...

Она вспомнила вдруг, что поток их заметно поредел в последнее время, и её снова больно кольнуло это обстоятельство – так больно кололо всякий раз отсутствие нового письма в сумке Легучей Мыши.

У любой влюблённой женщины найдётся масса разумных и логичных оправданий тому или иному поступку – и даже проступку – предмета её обожания. Экзальтированное воображение Анны раскладывало всё по полочкам на раз: безумно занят всяческими мероприятиями (предположение, что три минуты на пару фраз можно выкроить утром или перед сном, рассеянно опускалось), не всегда под рукой компьютер и инет (то, что айпэд всегда при нём, благополучно забывалось), и так далее, и тому подобное... Этой анестезии хватало ровно до получения следующей порции ожидаемого. К тому же, он вот-вот должен вернуться...

Нет, пожалуй, с Романом можно и потянуть. До весны, скажем. Или даже до лета.

Летом её снова ждёт милая сердцу Паланга, а в Паланге – милый сердцу старый добрый друг. Он, конечно, не старый, тоже намного моложе её – просто связывает их давнее-давнее знакомство, которое однажды плавно и естественно перетекло в такую же тёплую, как и их дружба, близость.

Да, пожалуй, она погодит с разрывом – жалко отталкивать мальчика, да и зиму с её угнетающими холодом и теменью легче пережить, когда ты в постоянном тонусе.

Решено! Всех оставляем на своих местах до лета!

* * *

Она уловила дымок мангала и решила вернуться.

Андрюша!.. Милый мой Андрюша! Мой милый, милый, милый, замечательный Андрюша...

Таким она не видела мужа очень давно. Лёгкость? Игривость? Он лучился счастьем и покоем!..

Когда они насытились удавшимся кушаньем, Андрей убрал лишнее со стола, накрыл растянувшуюся в шезлонге Анну пледом и поцеловал её в лоб.

– Андрюша... Как же я тебя люблю.

Анна прикрыла глаза.

– Как же я соскучилась по тебе. – Теперь она смотрела на него полными желания глазами.

Она знала, как на него это действует. – Давай допьём и пойдём...

– Давай, – сказал он, раскуривая трубку. – Только поболтаем немного, ладно?

– И тебе не лень?

– Нужно обсудить одно событие. И сейчас самый подходящий для этого момент.

– Ты имеешь в виду новогодние праздники?.. Или поездку в Лондон?

– Я имею в виду наш развод.

3.

Через пару дней, когда Анна, наконец, свыклась с мыслью о том, что отныне, забегая к Терезе на кофеёк, будет встречать в её доме своего бывшего мужа, она получила короткую записку по имейлу:

«остаюсь в амстердаме. это любовь. свадьба на кристмас. привет андрею. роман.»

* * *

Звоните нам прямо сейчас!

Рассказ

4.

Ну, я и позвонила. Хотя раньше не то чтобы не играла в подобные игрушки, а даже не задерживала взгляда на разных этих «мудрых» тёрках-швабрах-тренажёрах. И уж тем более не вглядывалась в «кольца и серьги оригинального дизайна» – если это оригинальный дизайн, то вы меня простите... не дотягиваю, видно.

А тут... Что меня задело? Во всяком случае, не цена. Или не только цена, скажем. Хотя цена была до неприличия доступной на фоне всех остальных побрякушек из разных видов и разного цвета золота «со вставками из натуральных бриллиантов». Это было очень простое кольцо с четырьмя камешками, по цене, как я уже сказала, вполне в пределах моей досягаемости.

Когда расфуфыренная барышня слащавым голосом расписывала все прелести этого колечка, а потом двумя пальчиками с ярким лаком на длинных загнутых по-ястребиному ногтях и со свежим ранением маникюрными щипцами на одном из пальчиков поворачивала его так и эдак, меня словно царапнуло по лицу пучком преломлённого света...

Нет, скорей щекотнуло...

Тоже нет...

Это было похоже на очень короткое прикосновение тёплого воздуха, наполненного прохладной пылью...

Сложно, да? Но я всё же хочу найти определение этому явлению. Пожалуй, последняя формула наиболее близка к истине. Если придёт в голову что-либо более точное, я поправлю себя.

Именно это заставило меня взглянуть в картинку на экране – я пришивала пуговицу к юбке. Собственно, потому я и не переключила канал, что руки были заняты.

Я вгляделась. Не очень помню, что же я там такое необычное увидела – это было просто впечатление, вызвавшее притяжение. И я тут же набрала номер.

Соединение было странным – какие-то эфирные звуки в процессе набора вместо обычной тишины или лёгкого пощёлкивания. Меня это не смутило, я просто подумала, что, возможно, это издержки многоканальной связи.

– Да? – Ответил мужской голос.

Какой-то... ровный, тёплый... домашний, что ли.

Я ожидала услышать женский – хотя бы тот, что продолжал вещать с экрана, членораздельно повторяя номер, с которым я уже была соединена.

Ну ладно, почему бы и не мужчина? Только звучать он должен был так же, как звучат все эти белозубые крепыши, убеждающие вас в том, что вот эта вот штукавина сделает вас счастливейшим из живущих, как только вы возьмёте её в руки, заплатив «ну просто смешную цену», да ещё получите в подарок «совершенно бесплатно!» (подумайте-ка: совершенно бесплатный подарок!...) дополнительный кусок чего-нибудь.

Нет, то был голос совершенно из другой оперы.

– Э-э... Здравствуйте, – растерялась я.

– Здравствуйте, – всё так же спокойно ответили мне.

– Вот... звоню. Как вы и предлагали... прямо сейчас, – пытаюсь я шутить.

– Долго же вы собирались!

По тому, как звучал голос, я поняла, что это ни шутка, ни ошибка, а что-то... вот опять слов не могу найти... что-то необычное, что-то в высшей степени неординарное. Что-то поту-

стороннее. И тут я ощутила то же, что и от нескольких отражённых гранями камня лучей, только уже не щекой, а всем телом.

Но – назвался груздем... Нужно было идти дальше.

– О, это вам показалось! – Игриво отвечаю я.

– Не думаю. – И тут же, без паузы: – Садитесь на четыреста восемьдесят восьмой троллейбус и приезжайте.

– Четыреста во... но у нас в городе нет такого троллейбуса.

– Есть, – решительно, но очень мягко перебили меня.

– Но... я думала, что вы доставляете на дом...

– Лучше вам приехать. – Настойчиво, но мягко.

Думаю, может и впрямь лучше – сама выберу, проверю... О том, что на дворе ночь, я как-то забыла.

– А ваш адрес?

– Троллейбус номер четыреста восемьдесят восемь. – Сказали мне, и я услышала гудки отбоя, опять же какие-то не такие... пространство, в котором они звучали, было какое-то не такое... Ну, не знаю, как объяснить.

Глянула в окно: не идёт ли снег. Если идёт, это послужит оправданием тому, что я решу не ехать никуда в одиннадцать ночи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.